

У Гродне размяшчаўся 81 полк пяхоты імя Стэфана Баторыя, дзейнасць якога была прадстаўлена на старонках гродзенскіх газет. Афіцэры палка таксама прымалі ўдзел у выдавецкай справе. Дзякуючы ім з'явіўся, узгаданы вышэй, часопіс *Reduta*.

Такім чынам, жыхары Гродна ў 1918–1939 гг. стварылі шмат грамадскіх выдавецкіх ініцыятыў, якія карысталіся пэўным поспехам. Існавала і свая група чытачоў, нягледзячы на тое што агульны ўзровень пісьменнасці ў усходніх ваяводствах Польшчы быў нізкі, часам толькі палова іх жыхароў магла чытаць.

Вялікая колькасць назваў газет сведчыць пра іх папулярнасць, а таксама ўкладаецца ў агульны працэс тагачаснага развіцця польскага перыядычнага друку. Газеты даюць нам магчымасць даследаваць штодзённае жыццё жыхара горада, пачынаючы ад яго звычайных чалавечых патрэбаў заканчваючы інтэлектуальнымі. А невялікая колькасць даследаванняў перыядычнага друку Заходняй Беларусі стварае шырокае поле для гісторыкаў і антрапологаў.

1. Казак, Т. Ушанаванне памяці Стэфана Баторыя ў Гродне ў міжваенны час / Казак Т. // Краязнаўчыя запіскі. – № 9. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2013. – С. 124–131.
2. Historia Białegostoku. – Białystok: Fundacja Sąsiedzi, 2012. – 672 с.
3. Milewski, J. Stefan Batory w tradycji Grodna 1919–1939 / J. Milewski // Наш Радавод. – Гродна, 1999. – Кніга 8. – С. 462–468.
4. Notkowski, A. Polska prasa prowincjonalna Drugiej Rzeczypospolitej (1918–1939) / A. Notkowski. – Warszawa : Państw. Wydaw. Naukowe, 1982. – 638 с.
5. Rennikowa, W. Z dziejów Grodna / W. Rennikowa // Pamięć Grodna 1919–1939 Informator wystawy. – Warszawa 1999. – 99 с.
6. Żydzi grodzieńscy w XVIII wieku // Nowe życie. – Nr 3. – R.VII. – 13 stycznia 1924. – С 4.

Мазур Л.Н., Горбачев О.В.
ВСЕРОССИЙСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1922–1924 гг.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ*

Одним из направлений исследования российской семьи в раннесоветский период является изучение влияния идеологических факторов на ее трансформацию, изменение структуры, функций и правовых основ. 1920-е гг. вошли в историю России как время активного реформирования семьи, в основе которого лежали, во-первых, объективные модернизационные факторы, обеспечивающие постепенный и закономерный переход семьи от традиционной к современной ее разновидности; а во-вторых, попытки социального конструирования института семьи в соответствии с коммунистическими идеями и представлениями о роли и месте семейной организации в обществе будущего. В результате комплексного влияния обоих факторов семейные процессы в СССР приобрели специфические черты – это ускоренная и не вполне естественная эмансипация женщин, а также перераспределение функций воспитания детей между семьей и государством на фоне сохранявшейся патриархальной структуры внутрисемейных отношений.

Несмотря на бесспорные достижения в изучении раннесоветской семьи, дискуссии исследователей о возможностях «радикального» преобразования семьи, а также задачах политики советского государства во многом остаются в теоретической плоскости, выводы не верифицируются статистически, тем самым без внимания остаются *реальные* изменения, которые происходили в семье. Справедливость многих положений может быть подтверждена или оспорена с привлечением массовых источников. Среди них следует выделить Всесоюзную перепись населения 1926 г., но ее возможности в деле реконструкции истории семьи ограничены, поскольку она ориентирована на характеристику ее демографического статуса, а не социальных трансформаций. Кроме того, первичные бланки переписи населения и семейные карты практически не сохранились, исследователям доступны только агрегированные результаты, что затрудняет выделение и анализ конкретно-исторических типов семей.

В результате исследователь семьи вынужден обращаться к нетрадиционным источникам, к которым относятся материалы Всероссийской партийной переписи 1922 г. РКП(б) в то время не была массовой (на начало 1922 г. ее численность составляла 410 тыс. чел. при том, что в европейской части РСФСР по переписи 1920 г. проживало 65 млн. чел.) [7, с. 8]. Значимость источника определяется главным образом тем, что в партийной среде в первую очередь прояви-

* Тема исследования поддержана грантом Российского фонда фундаментальных исследований № 15-06-05611 «Типология раннесоветской семьи по материалам партийных переписей 1920-х гг.».

лись те изменения, которые происходили в поведении и сознании людей, попавших в зону партийного влияния и контроля.

Материалы всероссийской переписи 1922 г. в советской историографии использовались неоднократно для изучения сюжетов по партийному строительству, а также в контексте источниковедения [1; 2; 5; 8; 11]. К.Б. Литвак первым высказал предположение о том, что партийная статистика 1920-х гг. содержит информацию, пригодную не только для анализа социально-классового аспекта. На основе данных о грамотности исследователь изучал культурный уровень коммунистов [6].

До 1990-х гг. историками использовались только сводные данные переписи, содержащие разработки по 8 показателям из 59 (сведения о количестве парторганизаций и коммунистов по губерниям и областям, группировки членов партии по партийному стажу, образованию, социальному происхождению, национальности, полу и возрасту, межпартийной мобильности [4]), первичные материалы практически не привлекались. Среди историков, исследовавших первичные документы переписи, следует отметить Т.П. Теплякову, С.В. Воробьева, И.А. Пашкова и др. [3; 9; 10]. Благодаря их трудам были раскрыты сюжеты о роли переписей в партийном строительстве, в том числе для проведения чисток; проведена реконструкция социального портрета партийных кадров, их карьерных стратегий. Что касается состава семьи членов партии, то он не изучался ни органами статистики, ни историками.

Первичные материалы переписи, сохранившиеся в региональном архиве практически целиком (речь идет о Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) [12]), гораздо более полные по сравнению с аналогичным массивом, доступным в РГАСПИ. Переписные анкеты нередко сопровождаются документами, содержащими дополнительные сведения о коммунисте. Формуляры организованы по алфавитному принципу. Кроме того, С. В. Воробьев обратил внимание на то, что в РГАСПИ из комплекса первичных материалов были изъяты анкеты ответственных работников [3].

Изучение семьи членов партии на основе материалов переписи до сих пор не предпринималось, скорее всего, из-за внешней скудости исходной информации. В индивидуальном переписном бланке выделено всего два прямых вопроса: сколько работников и сколько иждивенцев в семье члена партии. Однако, если соотнести их с другой сопряженной социально-демографической информацией (место жительства, пол, возраст, социальное происхождение, национальность, образование, род занятий и проч.), то возникает уникальная возможность, во-первых, выявить социальные типы семей, а во-вторых, уточнить представления участников переписи о семье. Здесь речь идет о тех ментальных моделях, которые формируются в обществе и в сознании коммунистов к началу 1920-х гг. под влиянием всего комплекса факторов (традиционных представлений о месте и роли семьи в жизни человека, идеологических и пропагандистских штампов, эмансипации и модернизационных процессов). В результате мы можем наблюдать, как быстро и каким образом происходит замена традиционных семейных ценностей новыми коммунистическими идеалами и как это влияет на семейные стратегии.

Перепись была организована по экспедиционному принципу: из Статотдела ЦК ВКП(б) для ее организации на места направлялись инструкторы и уполномоченные, которые занимались отбором и подготовкой переписчиков. Уровень квалификации переписчиков был невысоким. Поэтому при заполнении бланков допускались ошибки, использовались формулировки, которые сложно однозначно интерпретировать. Это касается, например, категорий «работник» и «иждивенец», используемых для характеристики семьи. В большинстве случаев работником считался тот, кто получал заработную плату. Крестьяне, ремесленники, жившие своим трудом, в этом случае нередко попадали в категорию иждивенцев. Все это осложняет оценку достоверности полученной информации. Опрос членов партии проводился в очном режиме, была предусмотрена возможность заочного заполнения бланка. В последнем случае к бланку прилагались выписка из протокола заседания партийной ячейки и личный листок члена партии, а весь пакет передавался в губернский комитет партии. В дополнительных документах была обнаружена более полная информация о семье, поскольку респонденты по своей инициативе давали пояснения, стараясь компенсировать неполноту и неоднозначность прямых ответов.

В ходе переписи заполнялось шесть различных бланков. Наибольший интерес для изучения семьи представляет бланк «А». Он составлялся на каждого члена партии в двух экземплярах, один экземпляр передавался в губком, другой – в Секретариат ЦК.

В бланке «А» содержится 59 пунктов, часть из которых включали многоуровневую информацию, организованную в форме таблиц. Вопросы бланка можно разделить на несколько тематических блоков [см. подробнее: 8]. Первый блок фиксировал данные о партийной ячейке. Вопросы с 4 по 11 относились к личности опрашиваемого: фамилия, имя, отчество, пол, возраст, разговорный язык, религиозные убеждения и т. д. В этот же блок входили вопросы о семье, сформулированные весьма лаконично: сколько работников в семье и сколько иждивенцев (исключая самого опрашиваемого). При составлении базы данных возникает необходимость определить, к какой категории нужно отнести самого опрашиваемого. Мужчина, имея место работы, должность и получая заработную плату, чаще всего причислялся к работникам, женщина – домохозяйка (замужняя) указывалась иждивенкой. Те, кто жил своим хозяйством (крестьяне, ремесленники), также были отнесены к работникам.

Следующий блок вопросов касался грамотности и полученного образования. Далее, в таблице «Социальное и национальное происхождение», в соответствии с распространенными в тогдашнем обществе установками на патриархальную семью, указывались происхождение и занятия деда по отцу, отца и матери. Дополнительно отмечался источник средств их существования (использовали ли наемный труд).

Много внимания в анкете было уделено трудовой деятельности члена партии: в период до 1917 г. и после (табл. III «Рабочий и служебный стаж с 1917 года до настоящего опроса»). Такая структура анкеты дает возможность проследить социальные и профессиональные изменения как в сравнении со статусом родителей, так и с ранними этапами трудовой деятельности члена партии.

Таблицы IV и V позволяют составить представление о партийном и революционном стаже респондента и его статусе. Уделено внимание характеристике культурных потребностей члена партии, его участию в общественной жизни. В отдельной таблице содержатся сведения о военной службе опрашиваемого. Последний блок вопросов уточняет степень и характер связи члена партии с деревней и сельским хозяйством.

Заполнение бланков было частично формализованным. Инструкцией предусматривались короткие, четкие ответы по каждому вопросу, которые вносились регистратором в анкету вручную. Однако отсутствие разработанных классификаторов ответов приводило к тому, что уровень детализации ответов мог быть разным, по усмотрению регистратора. Это касается информации о месте работы и должности, образовании, сословной принадлежности.

Помимо материалов переписи 1922 г. в региональном архиве сохранились бланки дополнительной переписи 1924 г., под которую попали члены партии «ленинского призыва» [13]. Она проводилась по программе 1922 г. и позволяет провести динамический анализ партийного состава, выделить основные тенденции «обновления» партии в условиях централизации власти, превращения ВКП(б) в руководящую силу.

Материалы партийной переписи 1927 г. в региональном архиве не обнаружены, они доступны в фондах РГАСПИ. С сожалением следует отметить, что анкета переписи 1927 г. гораздо менее информативна по сравнению с переписью 1922–1924 гг. (в ней всего 24 вопроса). Среди прочих из формуляра исчезли сведения о религиозности, количестве работников и иждивенцев в семье, занятиях деда, отца и матери, культурных потребностях. Это обстоятельство делает невозможным сравнительный анализ и заставляет прийти к выводу о непригодности материалов партийной переписи 1927 г. для изучения истории семьи.

Итак, информация бланков переписи 1922–1924 гг. позволяет проанализировать состав семьи членов партии на системном уровне. Используя имеющуюся в бланке информацию о семье, мы можем: 1) определить размер семьи члена партии; 2) изучить трудо-потребительский баланс с учетом социальных и профессиональных характеристик респондента; 3) рассмотреть процесс перехода от традиционной семьи к современной и появление новых типов семьи; 4) в совокупности с другими социальными характеристиками (образование, характер занятий, возраст, социальное происхождение, участие в революционной борьбе и проч.), можно проследить брачные стратегии коммунистов и их семейное поведение.

1. Андрухов, Н. Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР. 1917–1937 / Н. Р. Андрухов. – М. : Политиздат, 1977. – 375 с.

2. Варшавчик, М. А. Историко-партийное источниковедение: теория, методология, методика / М. А. Варшавчик. – Киев : Вища школа, 1984. – 320 с.

3. Воробьев, С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / С. В. Воробьев. – Екатеринбург, 2004. – 144 с.
4. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. – М., 1922–1925. – Вып. 1–5.
5. Кузнецов, И. В. Коммунисты Центрального промышленного района в двадцатые годы, социальный портрет по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 года / И. В. Кузнецов // *Круг идей: макро и микроподходы в исторической информатике* : труды V конференции Ассоциации «История и компьютер» / под ред.: Л. И. Бородкина, В. Н. Сидорцова, И. Ф. Юшина. – Минск : Издательство БГУ, 1998. – 375 с.
6. Литвак, К. Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы / К. Б. Литвак // *Вопросы истории КПСС.* – 1991. – № 2. – С. 79–92.
7. Население Советского Союза. 1922–1991 / под ред.: Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской. – М. : Наука, 1993. – 142 с.
8. Наумов, О. В. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. / О. В. Наумов, В. Н. Шепелев // *Вопросы истории КПСС.* – 1986. – № 4. – С. 48–62.
9. Пашкова, И. А. Социальный портрет партийной номенклатуры 20-х гг. (опыт создания базы данных) / И. А. Пашкова // *Региональный банк данных: Урал в XX веке* : тез. раб. совещ. Екатеринбург, нояб. 1993 г. / отв. ред. Т. И. Славко. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1993. – 106 с.
10. Теплякова, Т. П. Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Т. П. Теплякова. – М., 1983. – 207 с.
11. Тяжелникова, В. С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов: (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) / В. С. Тяжелникова // *Вопросы истории КПСС.* – 1990. – № 1. – С. 70–81.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области. (ЦДООСО). – Ф. 76. Оп. 1. Д. 557–645.
13. ЦДООСО. – Ф. 76. Оп. 2. Д. 471–517.

Ерешко А.Е., Ефимова Е.А., Чернышов А.В.
ОБЗОР ФОТОМАТЕРИАЛОВ
ПО АРХИТЕКТУРЕ И СТРОИТЕЛЬСТВУ В АРТЕКЕ
В ФОНДАХ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1920–1930 гг.)

Международному детскому центру «Артек» в этом году исполняется 90 лет. Это одно из старейших в мире детских санаторно-оздоровительных учреждений. Артек примечателен не только своей воспитательно-педагогической и оздоровительной работой, но и яркой и самобытной архитектурой. В застройке лагеря нашло отражение непростое время его становления – 1920–1930-е гг. На протяжении многих десятилетий облик лагеря неоднократно менялся: строения возводились, ветшали, заменялись на более современные. Визуальный образ Артека у нескольких поколений людей ассоциировался с обстановкой радости, праздника, каникул у моря. Изучение истории архитектуры и строительства Артека важно для воссоздания образа советского детства.

При изучении истории застройки Артека исследователи сталкиваются с недостатком источников, объясняющимся тем, что не велось систематической фотофиксации сооружений. Объекты застройки Артека, как правило, не являлись предметом внимания штатных фотографов, фотокорреспондентов, других авторов фотоматериалов. Редкое исключение составляют фотокарточки, предназначенные впоследствии для использования при производстве сувенирной продукции, где находят отражение как виды Артека, так и элементы его застройки.

Музей истории детского движения хранит документы и материалы по истории детства XX–XXI вв., входящие в фонды: документально-письменных источников, вещевой, фото-аудио-видеоматериалов и другие. Фотоматериалы Музея представлены фотографиями (позитивами), негативами на пленке, негативами на стекле и электронными файлами, содержащимися в базе данных.

В фондах Музея имеются несколько коллекций, где представлены изобразительные материалы по ранней истории Артека. В коллекции материалов по Артеку имеется около пятисот фотографий, относящиеся к 1920–1930-м гг. [4]. Их авторы – Д.Д. Гунин, А.М. Гарусов, Я.Е. Берлин (деятели пионерского движения), М.И. Соловьева (жена основателя Артека З.П. Соловьева). Представлены как редкие фотографии и негативы, так и фотокопии изображений из газет, журналов и книг. В материалах имеются пересъемки более ранних авторских фотографий, фотовыставок, печатной продукции и пр., поэтому авторство переснятых материалов часто сложно установить.

В хронологической негатеке (коллекции негативов) Музея также представлены материалы по теме – как на пленке, так и на стекле [1]. Наиболее интересна коллекция негативов на стекле Я.Е. Берлина [2]. Берлин Яков Ефимович (1902–1983) — один из первых пионерских вожатых, преподаватель лечебной физкультуры, внештатный фотокорреспондент газет «Комсомольская правда» и «Пионерская правда». Я.Е. Берлин еще при жизни передал богатейший фотоархив музею истории Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина Московского городского